

ТРИ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Марко Уршич

Университет в Любляне, Словения

From the philosophical point of view three mode of time can be distinguished: circular, linear and «eternal» time. In our Western cultural tradition the linear (or historical, eschatological) time became the dominant modus with Christianity, and step by step it has been modified into the evolutionary time of modern science, in ancient pagan cultures, especially Greek and Roman, time was conceived as essentially circular (or cyclic), renewed again and again in myths and rituals. However, from antiquity to modern times there is the third modus of time, present in the works and thoughts of mystics, seers and poets, time which can be considered as «eternal», nuns stans (standing now) and compared with the point in the middle of the circle or a point anywhere on a line – this third modus of time is the main topic of this paper.

«Что такое время?

*Когда меня никто не спрашивает,
я знаю, но, когда пытаюсь ответить
на этот вопрос, тогда – не знаю»*

Августин Блаженный, Исповеди XI/14

Когда современный философ размышляет о времени, он редко задается классическим вопросом о том, что есть время вообще, но не потому что этот вопрос нас больше не интересует, а потому что в истории философии было предложено множество разных теорий и интерпретаций времени, которым не удалось раскрыть его тайны, так что мы начали задаваться другим вопросом, а именно: возможно ли в принципе разрешить загадку времени. Такова судьба всех вечных философских вопросов (например, о бессмертии души, бесконечности вселенной, смысле бытия и т.п.). Частные науки решают эту проблему другим способом. Они стараются объяснить природу времени через установление и анализ временных характеристик событий и процессов. Искусство, особенно музыка и еще более литература встречаются со «сфинксом времени», которого пытаются покорить при помощи прекрасного.

В статье будет изложено несколько философских представлений о времени, посредством которых мы постараемся примирить науку и литературу. Остановимся на некоторых классических философских размышлениях о времени. О «хроносе» размышляли в западной

культуре греческие философы еще до Сократа, особенно Гераклит (500 лет до н.э.), таинственный мыслитель из Эфеса, который сказал: «Время – это ребенок, который играет камушками. Ребенок на престоле». Примерно через сто лет вдохновленный свыше отец философского идеализма Платон в своем космологическом диалоге под названием «Тимай» запишет: «Время – это движущееся изображение вечности». Он понимал время как отражение вечности, подобно тому, как ощущаемые вещи определял отражением неизменных идей. Однако древние понимали время как круговорот; может быть, такой круговорот в природе лучше всего представляет круговое движение небесных тел: время и небо были связаны в классической философии и остаются связанными по сей день.

Настоящий философский (а также научный) анализ времени первым представил Аристотель (IV в. до н.э.) в четвертой книге своего произведения «Физика», которая содержит в себе все современные ей знания о естествознании и философское понимание природы. Он ставит несколько основных вопросов о времени и пытается на эти вопросы ответить при помощи философско-логического анализа. Первый вопрос касается существования времени: верно ли, что время реально существует или оно только видимость? «Одна часть времени уже была, но сейчас ее не существует, другая часть времени только будет, но ее сейчас не существует» (Аристотель 217b 37). Он, конечно, имеет в виду прошедшее и будущее время, ведь настоящее время представляется еще более нереальным, чем ранее названные два, ведь оно постоянно исчезает: сейчас приходит из будущего и исчезает в прошлом. Для наглядного представления потока времени обычно используем пространственную конструкцию, где точка *сейчас* движется по временной прямой из «прошлого» в «будущее». Несмотря на то, что время существует «темным (непостижимым) образом», как говорит Аристотель, он не делает вывода о не-существовании времени и определяет его как «количество движений по отношению к *раньше* и *позже*» (Там же, 219b 2). Движение (*kinesis*) у Аристотеля представлено в самом широком смысле, это не только движение в пространстве, но и любое изменение, в том числе и внутреннее изменение состояния души.

В Новое время философия связала время с пространством: пространство и время становятся своего рода сиаемскими близнецами, у которых не все свойства одинаковы, но мы всегда представляем их в паре. Такое представление о времени в философии Нового времени развивалось параллельно с естественными науками, особенно физикой: Ньютон (вторая половина XVII в.) рассматривает время и

пространство параллельно в связи с движением и при этом утверждает, что кроме относительных движений существуют и абсолютные движения, которые определяют *абсолютные* время и пространство. Он защищает и субстанциальную теорию времени, тогда как философ-рационалист Лейбниц защищал реляционную теорию времени. Субстанциальная теория времени утверждает, что время существует вне зависимости от всех событий или процессов во времени, а реляционная теория времени утверждает как раз противоположное, а именно, что время – самая общая форма нашего восприятия последовательности событий, и, если бы не было этих событий, времени самого не существовало бы. (Подобным образом представленные теории размышляют и о пространстве). Дискуссия об онтологическом статусе времени в XX в. возобновилась в русле аналитической философии. Ее инициировал английский философ МакТаггарт (*McTaggart*) своим необычным «логическим доказательством несуществования времени», и дискуссия по этому поводу пока еще не закончена.

Другая философская проблема, которая соотносится со временем и характерна для философии Нового времени, связана с Кантом (вторая половина XVIII в.), который «наивно реалистическому» противопоставлял трансцендентальное понимание времени (и пространства). Для Канта время – априорная форма чувственного восприятия – это не «вещь в себе», а форма нашего сознания, нашего восприятия содержания опыта (аналогично Кант рассматривает и пространство). Он считает, что мы не можем иметь опыта познания мира иным, нежели через время, способом. Эта мысль, с одной стороны, очень ясная и четкая, как говорят философы, «приемлема на уровне интуиции», но, с другой стороны, оставляет открытым вопрос, существовало ли бы время без сознания о нем? Текло ли бы вселенское время, несмотря на то что никто не измерял и не осознавал бы его? Реалистично мыслящие философы на этот вопрос отвечают утвердительно, ведь вселенная старше, чем мыслящие существа в ней. Но, тем не менее, может быть, есть существа, скажем, ангелы, которые старше вселенной? Таким образом, дилемма, которую поставил Кант – принадлежит ли время самим вещам или оно форма нашего сознания, – пока еще не разрешена.

В целом в современной философии по отношению к пониманию времени выделяются две противоположные точки зрения. С одной стороны, это аналитическая философия, которая придерживается понятия времени, данного Аристотелем (т.е. «количество движений»), и развивает его – и в этом проявляется связь с современным

естествознанием. С другой стороны, те философские направления, которые удалились от естественных наук, и более тесно связаны с гуманитарными и общественными науками – эти направления понимают время как внутреннюю протяженность сознания, или человеческой экзистенции, что связано с пониманием времени Августином как «протяженности души» в оппозиции с пониманием пространства как «протяженности мира». Августин считал, что время в *душе* переходит из настоящего в прошлое и будущее: «Ведь только в душе существуют эти три времени как своего рода троица, в другом месте я этого не вижу: настоящее по отношению к прошедшему – это память, настоящее по отношению к настоящему – это видение, настоящее по отношению к будущему – это ожидание» (Августин. Исповеди: XI/20). Одно из направлений в философии, которое в XX в. придерживалось такого понимания времени, – это «философия жизни» Бергсона, который понимал истинное время как внутреннюю «продолжительность» в отличие от внешнего движения. Сюда можно отнести и феноменологию Гуссерля с понятием «временность сознания», экзистенциализм Хайдеггера с его «мышлением бытия», который понимает экзистенциальную сущность времени как основную «возможность бытия», а также размышление Левинаса о времени и смерти и т.д. В середине XX в. казалось, что научное и философское понимание времени необратимо разошлись, но в последнее время вновь появляются тенденции совместить два этих подхода. Мы имеем дело со своего рода целостным подходом, где наука и философия вновь встречаются, чтобы разрешить и древнюю загадку времени.

Мы уже говорили о том, что сегодня сложно непосредственно задать вопрос, что такое время. Поэтому попытаемся спросить, каковы основные характеристики времени, которые помогли бы нам понять его суть. Обычно считается, что у времени три главных характеристики, а именно: 1) направленность времени из прошедшего в будущее; 2) линейность времени («прямолинейность», равномерность) и 3) связность времени (непрерывность). Но, тем не менее, эти характеристики сами обусловлены временно, или исторически, и поэтому в лучшем случае мы сможем лишь ответить на вопрос, какие основные характеристики времени мы можем определить на *сегодняшний день*. Мы попытаемся показать, что эти три характеристики оставались основными характеристиками времени до XX в. Они представлялись основными и почти само собой разумеющимися свойствами понятия времени. В повседневном сознании остаются такими и по сей день. Но в науке, искусстве и философии эти характеристики начали терять свою значимость.

Скажем несколько слов о том, как понятие времени интерпретирует современная наука.

Если сравнить время с пространством, то следует отметить очевидное свойство времени – *направленность* («неодинаковость»): время (часами) «течет» из прошлого в будущее, но никогда в обратном направлении. Время необратимо, в отличие от направления в пространстве. Современная наука видит физическую причину направленности времени в увеличении *энтропии* в природе, во всей вселенной. Энтропия – это физическая величина, обозначающая степень неупорядоченности в какой-либо физической системе: чем в большей степени система неупорядочена, тем большее значение принимает ее энтропия. Об этом говорит так называемый второй закон термодинамики, открытие которого было сделано еще в XIX в. Современный физик и космолог Стефан Хокинг в своей книге «Короткая история времени» приводит следующий пример возрастания энтропии: если чашка кофе упадет со стола и кофе прольется, тогда энтропия этой миниатюрной системы (чашка и кофе) больше, чем была до того, когда чашка еще была на столе – некоторая структура утрачена, несколько уменьшился порядок в мире. Происшествие необратимое, ведь только чудо могло бы вернуть осколки чашки и брызги кофе на стол. Как известно, этого в природе не существует. Конечно, можно разбитую чашку склеить и налить в нее новый кофе, но это уже будет новое состояние, и оно никогда не будет соответствовать первоначальному. Энтропию в целом нельзя уменьшить, локально мы сможем увеличить «количество порядка» и это локально уменьшит энтропию, но послужит увеличению энтропии в другом месте.

Какова связь между нарастанием энтропии и направленностью времени, не совсем ясно. Но факт, что энтропия – единственная необратимая физическая величина, и поэтому мы связываем ее со временем. При этом, интересно, что физика *a priori* не исключает такого «чуда», как восстановление чашки и сам собой произошедший возврат ее на стол. Физика утверждает только, что такие события исключительно редки, их вероятность так мала, что практически они не случаются. Что это означает для направления времени? Это означает, что и время необратимо только *a priori*, а направлено только *a posteriori*: время таково в нашем опыте внутри известной нам вселенной. С точки зрения теоретической физики обратимость времени не исключена, но очень маловероятна, а значит, практически нереализуема. Что означает обратимость времени? Если бы такое все-таки случилось, то это мы смогли бы понять лучше при учете тесной

связи между направленностью времени и причинно-следственной связью: наш опыт показывает, что причина во времени всегда предшествует следствию (только иногда может происходить одновременно), но никогда не бывает, чтобы следствие предшествовало причине. В этом случае гипотетическая обратимость времени требовала бы «ретроактивной» причинности (т.е. причины, которая действовала бы назад), в некотором роде, «будущее является причиной прошлого»! Но на реалистическом уровне ретроактивная причинность вызывает логические противоречия, невозможные ситуации, и поэтому трезво мыслящие ученые от нее отказываются. Совсем другая ситуация на *квазиреалистическом уровне* в литературе и искусстве в целом, где все-таки существуют своего рода ситуации, в которых будущее становится причиной прошедшего. Остановимся на романе Марселя Пруста «Поиски утраченного времени», написанном в начале XX в. Произведение из семи книг – циклов – имеет круговую структуру: только в последней седьмой книге, когда всемогущее время до неузнаваемости изменило героев, мы узнаем, что сам рассказчик – главное действующее лицо всего цикла, тот, кто решил описать свою собственную жизнь, и в качестве писателя нашел причину безвозвратно утерянного прошлого в настоящем. Исчезнувшее время возвращает литература, возвращает и возвеличивает в вечность. Пруст в своей книге «Вновь обретенное время» писал: «Тогда засиял во мне новый свет, конечно, менее яркий, чем тот, который открыл мне знание о том, что художественное творение – единственное средство, при помощи которого возможно обрести утраченное время. Я понял, что весь материал литературного произведения как раз и есть моя прошедшая жизнь» (Proust 1997: 214). Интересно, что в начале работы над романом он для Пруста, конечно, был в *будущем*, хотя действие романа возвращает нас в *прошлое*, которое, в некотором смысле, обоснованно будущим.

Другая, по-видимому, само по себе разумеющаяся характеристика времени – это его линейность. Заметим, что в современных дискуссиях о времени само выражение «линейность времени» выступает в нескольких значениях. Классическая наука Нового времени, точнее наука до Эйнштейна и до квантовой физики, в термин «линейность времени» вкладывала два смысла: одномерность и прямолинейность, по аналогии с одномерностью и прямолинейностью в евклидовой геометрии. Нам кажется естественным (вернее, казалось), что в отличие от пространства время одномерно, его можно представить на прямой. Но в начале XX в. Эйнштейн показал своей теорией относительности, что такое представление о времени вовсе не

обязательно. Пространство и время у Эйнштейна выступают как своего рода сиамики близнецы, связанные в единое четырехмерное пространство-время, в котором время – четвертое измерение. Время в определенном смысле становится «пространственным», а самое главное, все становится относительным: нет больше абсолютного времени, время всегда относительно (аналогичное происходит с пространством). Что все это может означать? Время в определенных условиях способно *растягиваться*, например, при больших скоростях или в присутствии сильных гравитационных полей, что означает, что его ритм во вселенной больше не абсолютен и не непременно равномерен: по аналогии с пространством можно представить время искривленным или даже свернутым в круг или спираль. К тому же, по Эйнштейну, не существует абсолютной одновременности событий во времени, что предполагает отсутствие абсолютного *сейчас* для всех точек вселенной и событий в мире. Нет никакого (как обычно представляется) универсального настоящего, ведь настоящее одного наблюдателя во вселенной есть прошлое другого и наоборот. Поэтому время невозможно представить одномерной прямой, или кривой, а только совокупностью кривых, что создает двухмерную структуру. Квантовая теория к такой нелинейности времени в качестве второго временного измерения добавляет мнимое время, которое существует параллельно реальному времени.

Аналогично линейности времени обстоят дела с непрерывностью времени в качестве его третьей традиционной характеристики. Принято думать, что наше общее «объективное» время непрерывно, то есть, что в нем нет пробелов, «лакун», можно образно сказать, что время никогда не спит, никогда не останавливается. Но современной науке это не кажется естественным, теория относительности предсказывает «черные дыры», в которых время бесконечно «растянуто», «заморожено», прервано, или, более точно, в них время «не определено».

В современной философии, в гуманитарных науках вообще встречаем другое значение линейного времени, хотя существуют и опосредованные связи с физической линейностью. Основатель философского понимания времени как «прямого пути» (*via recta*) был Аврелий Августин, на которого ссылались в связи со временем как внутренним измерением души. Его понимание времени было определено по-христиански, по-библейски, но это понимание детерминирует и современное понимание времени не только в религиозном, но и в светском смысле. Августин в отличие от классической греческой философии предлагал понятие «линейное

время», т.е. развивающееся, необратимое время, касающееся как отдельной души, так и божьего творения в целом, которое он противопоставлял «порочному кругу» античного представления о времени. Под «прямым путем» он понимал прежде всего библейскую эпопею. Развитие сотворенного мира течет от его божественного сотворения и сотворения человека, изгнание Адама и Евы из рая, проходит через все библейские события, которые последовали после этого, через воплощение Христа, его муки и воскресение как центральное событие в христианской истории, до эсхатологического конца всемирного времени и страшного суда и спасения в Новом Иерусалиме. Всемирное время для христианина единственное и неповторимое, это святое время, в котором проходит сакральная и в то же время профанированная *история спасения* человечества (что М. Элиаде назвал *Heilsgeschichte*) – так как это единственная и неповторимая *личная* история каждого человека, каждой отдельной души в ее духовном возрастании и гибели. Христианский «прямой путь» времени необратим и, несомненно, направлен к эсхатологическому концу и цели, т.е. «Божьему Царству». Эта характеристика времени существенно отличается от языческого «вечного возвращения одного и того же», которое циклически возвращается в мифах, обычаях, верованиях. Конечно, внутри христианского «линейного» историко-всемирного времени выступают разные временные циклы: часы, дни, месяцы, времена года, столетия...

Парадигма «линейного» времени, характерная для христианской культуры, в Новое время продолжается на светском уровне как в науке, так и в нашей повседневной жизни: в нашем понимании времени сама собой разумеется «линейность» постоянного развития, прогресса, движение к лучшему, большему и совершеннейшему – или правильнее сказать – это было до недавнего времени. Во второй половине XX в. человечество осознало границы своего развития как в экономическом, технологическом, демографическом, так и в познавательном и духовном смыслах. Когда пришло осознание, знаменующее конец просвещенческого оптимизма, что «матрица» линейного времени и императив прогресса имеют непреодолимые отрицательные коннотации даже по отношению к божьему царству, начинаются и новые поиски другого, «утраченного времени», уже почти забытыми способами интерпретации времени, о котором человечество когда-то уже имело представление, но вследствие развития науки и культуры Нового времени оставило незамеченными под покровами истории. Имеются в виду древние, но всегда новые «окна в безвременье», например, «вечное возвращение» языческих

мифов, или «вечные мгновения» старых мистиков, пророков и поэтов, которые в экстазе ушли от неминуемого течения времени в то временное восприятие, при котором душа находится внутри самого времени – и не только в его эсхатологическом конце далеко в будущем – выходит из него или освобождается от его уничтожающего течения. Как в далекие античные времена, так и сегодня, все еще драгоценна мысль, записанная древнегреческим философом и мистиком Платином (III в.н.э.): *вечность* – не бесконечная продолжительность, тянущаяся в туманное прошлое и неизвестное будущее, она – состояние безвременья, которое восторженная душа ощущает *здесь-и-сейчас*: душа живущего вступает в вечность и возвращается из нее обогатенная, в смерти же душа остается в вечности.

В вечность, существующую *здесь-и-сейчас*, кроме восхищенных поэтов, пророков и мистиков, верили и раннехристианские гностики. Гностицизм позже христианами был понят как ересь, как ложная интерпретация учения Евангелия. И действительно, учения гностиков содержали некоторые сложно воспринимаемые положения, например, о существовании злобного создателя мира, о появлении на свет Христа для того, чтобы спасти человека из рабства этого злобного существа и другие необычные идеи. (Кстати сказать, религиозное понимание, отличающее Спасителя от Творца, находим и в буддизме, который на Западе становится все более популярным). Несмотря на «чуждачества» такого рода, мы сегодня должны быть справедливы к гностикам (*gnosis* – по-гречески *познание*). В текстах гностиков, несомненно, можно открыть несметное духовное богатство (см. М. Uršič 1994). В ней находятся переводы цитат из так называемых «гностических Евангелий». Приведем здесь небольшие отрывки из этих Евангелий, иллюстрирующие гностическое понимание времени и вечности. Первый отрывок взят из Евангелия от Фомы (I – II вв.), а второй – более позднее, «апокрифное», Евангелие от Филиппа (III – IV вв.):

Ученики спросили Христа: «Когда придет Царство Божие?» - Он им ответил: «Оно не придет так, чтобы ждали его. Дело не в том, чтобы можно было говорить «здесь оно» или «там оно», потому что Царство Отца небес распространяется по земле, но люди его не видят» (рукопись Nag Hammadi II/2, 113).

Никто не может видеть вещи, какие они в действительности, если сам не становится тем, что эти вещи собой представляют. Но это не так с человеком на этом свете: человек видит солнце, а сам не солнце; он видит небо и землю и другие вещи, но сам человек – не одна из этих вещей. Это все в соответствии с истиной. Но по ту сторону ты видел то, чем стал. Ты видел духа, ты стал духом. Ты видел

Христа и станешь Христом. Ты видел Отца небес, сам станешь Отцом небес. На этом свете ты видишь все, но не видишь самого себя, в то время как по ту сторону ты видишь себя – и то, что видишь, тем же сам станешь (Nag Hammadi II, 61, 20-35).

Гностические и в целом мистические учения убеждают нас, что все три рассматриваемые времени – прошедшее, настоящее и будущее – собираются в единое непреходящее время, в вечность. Учат нас, что *здесь-и-сейчас*, находящееся по эту сторону, переходит в потусторонний мир и наоборот, что при восприятии времени означает – говоря метафорически – свертывание в самое себя линейного времени в повседневности и истории, тем самым циклическое время «вечного возвращения» трансформируется в мистическое безвремяе.

Несмотря на то что каждая культура несколько по-своему воспринимает время, вероятно, мы не будем далеки от истины, если скажем, что известны три основных восприятия времени: линейное, циклическое и мистическое. В соответствии с геометрическими аналогами мы могли бы представить мистическое время в виде «точки». Круг и точка в середине круга представляют вечность, ту, единственно доступную нам вечность – а именно *здесь-и-сейчас*. Границы, разделяющие различные интерпретации времени, были в истории всегда более или менее произвольны, и как раз в размытых зонах этих границ достигается форсированное течение времени, которое особенно выразительно отражено в литературе и в искусстве в целом. Но, с другой стороны, без разных интерпретаций времени мы не смогли бы найти себя в жизни и мире. Наука и философия нам помогают распознать и осознать разные понятия времени и границу между ними, одновременно предлагая нам мостик, который связывает разные интерпретации времени, а также преходящее время и вечность.

Библиографический список

- Eliade M. Kozmos in zgodovina* / M. Eliade. Ljubljana: Hieron, Nova revija, 1992.
Hawking S. Kratka zgodovina časa / S. Hawking. Ljubljana: Sigma, DMFA, 1994.
Prust M. Spet najdeni čas. Prev / M. Prust // R. Vrančič. Ljubljana: DZS, 1997.
Uršič M. Gnostični eseji / M. Uršič. Ljubljana: Hieron, Nova revija, 1994.
Uršič M. Romanje za Fnimo / M. Uršič. Ljubljana: Cankareva založba, 1988.
Uršič M. Štire časi / M. Uršič // Filozofski pogovori in samogovori. Pomlad. Ljubljana: Cankareva založba, 2002.